

УДК 342.826

Наталья Алексеевна Филиппова

кандидат политических наук,
доцент кафедры государственного
и муниципального права
Сургутского государственного университета,
докторант Учреждения Российской академии наук
Института философии и права
Уральского отделения РАН
г. Сургут (3462) 32-42-33 filip64@mail.ru

**ЮРИДИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ
ПУБЛИЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА
В ДОКТРИНЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА**

Формирование теоретических представлений о юридическом содержании публичного представительства исследовано как общий вектор развития доктрины конституционного права, проявившийся как на рубеже XIX–XX вв., так и (в отечественном конституционном праве) в начале XXI в. Дана классификация и характеристика теорий представительства в конституционном праве.

Публичное представительство; политическое представительство; народное представительство; система публичного представительства; публичная воля; представительный орган.

Юридическое не то же, что частно-правовое. Простое, чуждое критики перенесение гражданско-правовых понятий в публичное право без сомнения представляется методологической ошибкой...

Г. Еллинек

Проблема юридического содержания публичного представительства решалась российским теоретическим правосознанием дважды. Впервые это происходило на рубеже XIX–XX вв., когда Россия была своеобразной, но все же органичной частью европейской семьи. Во второй раз – спустя столетие, на протяжении большей части которого российское право эволюционировало в русле автаркизма и традиционализма. Обнаруживая существенное совпадение в тенденциях обновления конституционно-правовых доктрин отметим как примечательный факт «глухоту» современной науки к тем аргументам, которые прежде казались очевидными. Почему современное российское конституционное право с таким трудом осваивает начальные уроки построения собственной системы публичного

представительства, – вопрос, требующий отдельного изучения. Но в ряду множества препятствующих обстоятельств нам кажется необходимым подчеркнуть обстоятельство собственного правового характера. Решение проблемы юридического содержания публичного представительства возможно лишь постольку, поскольку обособлены не только функции публичного и частного права, но и само их содержание в системе национального права. «Цивилистическая» интерпретация категорий конституционного права не является исключительной чертой российского правосознания, как это может показаться на первый взгляд. Она лишь свидетельствует о неизжитом синкретизме права, которым характеризуются традиционные общества.

Формированию доктрин публичного представительства в Европе как раз предшествовала череда политических реформ, свидетельствующих о пересмотре устоявшихся представлений о государстве. Реформирование национальных парламентов, избирательного права, формирование современных партийных систем рассматривались как условия учреждения нового (*правового, конституционного*) государства, основанного на принципе народного суверенитета. Главным вопросом конституционного права в этой связи стал вопрос о представительстве: «народное самодержавие осуществляется в новейшие времена в форме представительного образа правления» [47, с. 223].

Старые представительные учреждения (формируемые по словесному или территориальному признаку) характеризовались конституционной доктриной того периода как ранние формы представительства, исчезающие по мере формирования современных (общегражданских) парламентов. Представительство субъектов федераций, напротив, только начинало обретать надлежащие правовые формы. Европе был известен опыт Швейцарской конфедерации, возникшей в XIII в. и к середине XIX столетия эволюционировавшей в федеративное государство; опыт Германского союза, который проделал аналогичный путь на протяжении XIX в., и пример стремительного (по историческим меркам) превращения из конфедерации в федерацию США (конец XVIII в.). Формирующиеся во второй половине XIX в. латиноамериканские федерации (Мексика, Венесуэла, Бразилия, Аргентина) и Канада заимствовали формы своей организации из США. В такой ситуации даже фундаментальные исследования федерализма были в большей степени не исследованием конституционно-правовых институтов, а изложением принципов и идей федерализма [50]. В 1900 г. немецкий юрист Георг Еллинек в этой связи даже отметил, что вопрос «об идее представительства в организации публично-правовых союзов странам остается до сих пор не разработанным в литературе» [24, с. 438].

Но такая избирательность в исследовании проблем представительства была, скорее, закономерной, поэтому в правовых свойствах

народного представительства, которое приходило на смену представительству мест и сословий, нередко усматривались свойства публичного представительства как такового, то есть именно такие свойства, которые отличают его от представительства как частноправового отношения. Например, В.М. Гессен писал: «Не подлежит никакому сомнению, что выборное представительство предшествующих исторических эпох – групповое, сословное и территориальное – является представительством по уполномочию (мандату), аналогичным частноправовому представительству; но оно не является представительством народным» [18, с. 73].

Выводы дореволюционной науки о различиях юридического содержания публичного представительства и представительства как частноправового отношения представляются актуальными для современного конституционного права. Дореволюционная доктрина последовательно сформулировала *политическую, социологическую и юридическую теории* народного представительства, каждой из которых было свойственно собственное понимание этой проблемы. Вместе с тем надо учитывать специфическую для этого периода тенденцию к отождествлению в теории родовых (публичное) и видовых (народное) признаков. При таком подходе, к примеру, проблема представительства субъектов федерации была неразрешимой. В самом деле, будучи публичным, такое представительство, тем не менее, не является народным. Должно ли оно в таком случае учреждаться по аналогии с корпоративным представительством и таким образом вновь реставрировать в организации представительных органов формы, характерные для частного права (например учреждать императивный мандат представителя от субъекта федерации, в то время как представитель народа располагает свободным мандатом)? Или различия корпоративного представительства¹ и представительства субъектов федерации настолько же существенны, насколько существенны различия между регулированием представительства в публичном и частном праве? Проблема видов публичного представительства была осознана и решена только в рамках юридической теории, которая поэтому видела предметом конституционно-правового регулирования не только народное, но и в целом публич-

¹ Термин «корпорация» повсеместно использовался в конституционном праве на рубеже XIX – начала XX столетия для обозначения обособленных социальных групп в государстве. Соответственно, представительство сословий или общин определялось как представительство корпораций, или корпоративное представительство. В таком значении термин сохраняется и в современном конституционном праве. Будучи перенесенным (к середине XX столетия) в гражданское право, термин приобрел новый смысл: под корпоративным представительством стали понимать форму участия крупных бизнес-структур в политике современного государства. Однако общим и для конституционно-правового, и для гражданско-правового понимания корпоративного представительства является то, что имеются в виду действия в обособленных, отличных от целого интересах.

ное представительство. Еллинек ввел в научный оборот категорию *система представительства*, в которой *народное представительство* – лишь составная часть [24, с. 417-438]. Его метод исследования представительства предполагал последовательное решение двух задач: 1) определение юридического содержания публичного представительства (посредством установления сходства и различия с представительством как частноправовым отношением); 2) выделение видов публичного представительства, имеющих в современном государстве и установление их специфических свойств.

Политическая теория (теория представительного мандата) была первой в ряду доктринальных объяснений народного представительства (в силу чего ее принято называть классической). Ее основоположник – Эммануил Йозеф Сийес, идеолог и активный участник Великой французской революции, чьи предложения нашли непосредственное воплощение в трех конституционных актах Франции (1791 г., 1795 г. и 1799 г.) [45, с. 364]. Доктрина Сийеса была сугубо политической. Ее практический смысл удачно охарактеризовал В.М. Устинов: «представительная демократия предпочтительна не потому, что прямая невозможна или непрактична, но потому, что она может дать лучше и больше, чем прямая» [45, с. 396]. А именно: свободу в частной жизни, с одной стороны, и профессиональное решение задач государственного управления, с другой.

Собственно правовое содержание этой теории заключалось в обосновании идеи свободного мандата депутатов, поскольку последние являются представителями нации, а не отдельных баляжей (групп избирателей или избирательных округов): «так как французский народ должен всегда считать себя законно представленным большинством своих депутатов, то ни императивные мандаты, ни намеренное отсутствие нескольких членов, ни протесты меньшинства не могут никогда ни остановить его деятельность, ни стеснить его свободу, ни уменьшить силу его статутов, ни, наконец, ограничить пределы его законодательной власти, которая простирается на все части народа и владений Франции» [45, с. 400]. Таким образом, Сийес опроверг прежние, обусловленные практикой сословных представительных учреждений толкования представительства как действия по уполномочию (мандату или поручению) представляемого, где сторонами правоотношения выступают конкретные избиратели и конкретные депутаты. Он доказывал, что: 1) участниками этого правоотношения являются народ в целом и представительный орган власти целиком, а не разрозненные множества представляемых и представителей; 2) представительный орган власти обладает (и должен обладать) значительно большим объемом полномочий, нежели совокупность представленных в нем граждан. А значит, юридическая связь между представителями и представляемыми не

может быть квалифицирована как *поручение* осуществлять полномочия *вместо* представляемого лица. Преодолевая традиции средневекового права (синкретизм частного и публичного в праве), Сийес первым заявил о различном юридическом содержании представительства в зависимости от его отраслевой принадлежности. Однако раскрыть содержание публичного представительства ему не удалось. В более поздних работах Сийес высказывал предположение о связи феномена представительства в современном государстве с действиями государственных органов в пределах их законодательно установленной компетенции, что в конце концов заставило его считать все государственные органы представительными.

На рубеже XIX–XX вв. идеи Сийеса разделяли многие правоведы (А. Эмен, Л. Дюги, Р. фон Моль, М.И. Свешников, Б.Н. Чичерин и др.). М.И. Свешников называл взгляд Сийеса на народное представительство публично-правовым, в отличие от частноправового, для которого «собрание народных представителей является ничем иным, как обыкновенным съездом поверенных разных лиц» [40, с. 230]. Л. Дюги предлагал важное уточнение: с переходом к современным системам представительства «уничтожены были лишь частные мандаты, даваемые каждым избирательным округом своим депутатам. Понятие же политического мандата не было уничтожено; только отныне единою и неделимою нацией давался мандат единому и неделимому собранию; ... парламент есть *представительный мандатарий* нации» [23, с. 416]. Поэтому представительные учреждения всегда выборные, формируемые всем избирательным корпусом (хотя и не всегда коллегиальные).

Но тождественны ли, с точки зрения права, избрание (формирование органа) и передача ему прав (полномочий)? И допустимо ли говорить о мандате, если он *de jure* ничего не предписывает и не поручает? На несовершенство юридической составляющей классической теории народного представительства было указано В.М. Гессеном, который, в частности, писал: «Неопределенная и безусловная делегация должна быть рассматриваема как отчуждение права... Выходя из границ поручения, мандатарий перестает таковым быть: он действует от своего имени, а не от имени представляемого лица» [18, с. 132-133]. С юридической точки зрения народное представительство не является представительством по уполномочию даже в том случае, если сторонами этого отношения выступают субъекты публичного права: народ и парламент.

Конструктивное значение теории представительного мандата, однако, заключалось в трактовке публичного представительства как условия правосубъектности народа. Представления Л. Дюги об общине как субъекте публичного права легли в основу концепции территориальных коллективов, объяснили причину сосуществования даже в унитарных государствах не одного, а целой системы пред-

ставительных органов (местных, региональных, общенациональных); в такой редакции они были закреплены конституционным законодательством целого ряда современных государств.

Социологическая теория народного представительства. В ряду многочисленных представителей этого направления в качестве если не основоположников, то наиболее последовательных идеологов, называют немецких юристов Лоренца фон Штейна и Отто Майера. Оба автора также известны как классики немецкого административного права [41, с. 23-24]. Они считали, что парламент является органом представительства различных социальных интересов. Следовательно, это не государственное, а социальное учреждение; оно не может характеризоваться единством воли, которое необходимо для государства. Такое единство может быть обеспечено исключительно монархом.

Далее теория интересов была конкретизирована гражданско-правовой наукой. Столкнувшись с проблемой множественности публичных интересов, не совпадающих более с интересом государства, ученые-цивилисты поставили под сомнение классическое деление права на публичное и частное (по-видимому, предложенное Ульпианом [22, с. 10]). Развивая идеи Р. фон Иеринга [25], сторонники так называемой «Тюбингенской школы» юриспруденции, или «юриспруденции интересов» (Ф. Хек, М. Рюмеллин, Р. Мюллер-Эрцбах) доказывали, что нормы частного и публичного права *одновременно* обеспечивают как интересы государства, так и интересы частного лица [43, с. 225]. Под влиянием социологии права¹ они утверждали, что «*исследование интересов* есть основная задача юридической науки» [51, с. 45].

Существует множество интересов, носителями которых выступают различные человеческие сообщества, полагали они. Нет единого (неизменного) общенационального или общегосударственного интереса. Сообщества, а значит и преследуемые ими интересы, с правовой точки зрения равноценны. Интересы нередко противоречат друг другу; некоторые конфликты интересов имеют устойчивый (типичный) характер. Опыт их разрешения – главная предпосылка формирования нормы права (в этом смысле судебное, административное, то есть прецедентное правотворчество даже достовернее правотворчества в форме нормативных правовых актов). Само право – это формализованный алгоритм разрешения типичных конфликтов интересов. Оно должно учитывать, что возможно домини-

¹ К представителям этого течения относят Э. Эрлиха, опубликовавшего в 1913 г. свои «Основания социологии права», Т. Гейгера, Г.Д. Гурвича, Л. Дюги, Г. Харта и многих других авторов. Как утверждал Г.Д. Гурвич, «конфликты между социологией и правоведением ... явились лишь следствием ограниченности и заблуждений в определении предмета и метода соответствующих наук – социологии и правоведения» [20, с. 568].

рование одних интересов над другими, но невозможно абсолютное и вечное доминирование одних и тех же интересов. Как справедливо отмечает в этой связи Г.В. Мальцев, «юридическая норма ... должна учитывать силу преодоленных и преодолеваемых интересов» [32, с. 319]. Таким образом, целью права является согласование и интеграция интересов.

В Новом Свете развитие социологии права стало делом самих практикующих юристов: О. Холмса, Р. Паунда, Б. Кордозо. Граница между социологией и юриспруденцией исчезла: новое направление в науке было названо *социологической юриспруденцией* [53]. Центральной категорией здесь также стала категория интереса [54, р. 65]. При этом, по мнению Р. Паунда, юридической формой интереса может быть как субъективное право, обеспеченное обязанностью другого лица, так и охраняемый правом интерес. Таким образом, правовая теория была обогащена понятием *законного интереса*, освоенного прежде всего гражданским правом.

В России на рубеже XIX–XX вв. похожих взглядов придерживались С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов, Ю.С. Гамбаров, М.В. Грибовский и другие юристы [34, с. 175; 17, с. 45]; влияние социологических течений в праве на развитие цивилистики было также значительно. Представительство в теории гражданского права было определено как действие не только от имени, но и *в интересах* представляемого лица. Логично, что принцип равенства участников гражданского оборота был дополнен идеей юридической равноценности защищаемых (представляемых) интересов. Если несовпадение частных и публичных интересов и признавалось, то только по формальным признакам. Содержание публичного интереса определялось так, как это свойственно социологии, а не юриспруденции. Под публичным интересом стали понимать типичный, распространенный интерес, или интерес, возникающий из частного интереса. В современном отечественном праве эту позицию последовательно излагает Ю.А. Тихомиров: публичные интересы – «это общие интересы, своего рода усреднение личных, групповых интересов» [44, с. 55].

Однако массовость частного интереса не делает его публичным. Уже Ж.-Ж. Руссо разделял волю всех и общую волю как несовпадающие по существу. Публичный (общий) интерес – это *интерес целого, а не множество совпадающих отдельных интересов*. Он не следствие, а причина их совпадения. Не публичный интерес возникает из частного, а наоборот: «Все частные права связаны с публично-правовым притязанием на признание и защиту. Все частное право опирается поэтому на публичное право» [24, с. 279]. В силу этого принципиального расхождения во взглядах современники-конституционалисты не разделяли социологического подхода к представительству. Представительство интересов, подчеркивал

С.А. Котляровский, «находится в несомненном противоречии с идеей национального представительства» [28, с. 93].

Но на практике системы, регулирующие народное представительство именно как представительство совокупности различных социальных интересов, имелись в Австрии, России, иных государствах. Представительство каждой социальной группы осуществлялось в пределах законодательно установленной квоты в парламенте (для чего избирателей делили на курии). Такие системы были квалифицированы В.М. Гессеном как *системы реального представительства* [18, с. 187-196]. Они были современным аналогом сословного представительства и предполагали перенесение на регулирование публичного представительства форм, свойственных гражданскому праву. Дальнейшее развитие социологический подход к представительству получил в теориях лоббизма и шире – теорий функционального представительства. Между тем лоббизм – это «выявление частных интересов и продвижение их в публично-властное решение» [14, с. 141]. Важно отметить, что уже в начале XX в. последствия подмены публичного представительства лоббизмом предсказывал М.А. Рейснер: «При таком положении дел партии были бы излишни, и без их посредства создавалась бы «воля нации». Она была бы результатом временных соглашений отдельных депутатов как приказчиков пославших их хозяев, определялась бы случайной коалицией тех или других экономических интересов. Государство превратилось бы в торговый базар, а парламент – в биржу. Единственным рычагом парламентских операций стали бы выгода и расчет. Путем гражданских сделок являлись бы соглашения о «народном благе» со стороны «хозяев» государства, и в общем разграблении народного достояния получили бы львиную долю и депутаты в качестве «представителей» [36, с. 153].

Итак, гражданско-правовая конструкция представительства как действия лица от имени и в интересах другого лица отрицалась конституционалистами как основанная на допущении равноценности публичного и частного интересов. Ее достоверность признавалась лишь применительно к характеристике юридического содержания корпоративного (сословного, территориального или группового) представительства.

Юридическая теория публичного (народного) представительства была заявлена немецкими юристами (К. фон Гербером, П. Лабандом, Г. Еллинеком и др.). Гербер и Лабанд обосновали юридическую конструкцию государства как лица, связав правосубъектность этого лица с его волей, реализуемой посредством решений и действий органов государства. Г. Еллинек применил эту конструкцию для характеристики публичного представительства.

Популярность теории Еллинека среди конституционалистов объяснялась целым рядом причин. Во-первых, этот автор не только обозначил, но и предложил решение проблемы юридического содержания публичного представительства. Им было установлено различие между представительством субъектов публичного права (которое не всегда является публичным с точки зрения юридического содержания) и собственно публичным представительством. Во-вторых, он доказал принадлежность публичного представительства (и его системы) к предметной сфере государственного (конституционного) права. В-третьих, он рассматривал народное представительство лишь как один из видов публичного представительства. И это давало возможность исследовать представительство субъектов федерации как отдельный вид в системе представительства.

Как и его предшественники, Еллинек утверждал, что средневековые представительные учреждения конструировались по образцам представительства как частноправового отношения. Например, в сословных монархиях представительство «только по своей цели, но не по внутренней своей природе, выходит из сферы гражданского права. Поэтому представитель несет имущественную ответственность за ущерб, причиняемый ... превышением своих полномочий, и может быть отозван обратно или лишен функций представительства» [24, с. 421]. **Но он впервые связал новую юридическую конструкцию представительства с понятием государственного органа.** Пока «не было создано юридическое понятие органа, старались уяснить себе соответственные отношения при помощи частноправовых аналогий, понятий представительства и поручения. Правильное понимание никогда не отсутствовало совершенно, но с полной ясностью оно было достигнуто лишь в новейшее время» [24, с. 418].

Суть подхода, предложенного Еллинеком, такова:

1. С точки зрения государственного (конституционного) права следует различать государство и его органы. Первое наделено свободой воли, это лицо, вторые – лишь «части» государства, наделенные компетенцией и действующие в ее пределах. Даже споры о компетенции не превращают органы в лица: лицом является лишь государство в целом.

2. Современное (конституционное) государство признает за гражданами не только негативные и позитивные права («свободы и права»), но и *права участия в осуществлении государственной власти*. Участвуя в ее осуществлении, гражданин действует как орган государства.

3. Но следует «строго отличать ... индивидуальное притязание и деятельность в качестве органа. Последняя принадлежит исключительно государству, так что притязание индивида может быть направлено только на допущение его к функционированию в качестве органа»; гражданин допускается к осуществлению функций

государственного органа постоянно (может «функционировать в качестве постоянного органа»), либо периодически (может «участвовать путем выборов в создании органов государства»). «На этой основе возникает состояние активного гражданина, – по античному воззрению совпадавшее с состоянием гражданина вообще» [24, с. 421]. Иными словами, только те граждане, которые фактически, своими действиями участвуют в формировании органов государственной власти (или осуществлении иных функций государства), образуют народ как орган современного государства.

4. По отношению к гражданам избранный ими парламент является вторичным органом: это орган органа. «В пределах компетенции этого вторичного органа его воля – и никакая другая – является волей первичного органа. Последний может непосредственно проявлять свою волю лишь постольку, поскольку это особо оговорено» [24, с. 417]. Таким образом, представительство народа сочетает признаки и законного представительства, и представительства по уполномочию¹, но в полной мере не является ни тем, ни другим. С одной стороны, совокупность активных граждан (народ) своей волей создает парламент и сохраняет всю полноту правосубъектности, непосредственно участвуя в осуществлении государственной власти за пределами компетенции парламента (и даже конкурируя с ним, например в случае «народного вето»). Но, с другой стороны, и представители, и представляемые (как органы государства) действуют в пределах компетенции, установленной законом. Их фактические действия являются одновременно и юридическими только при выполнении этого условия. Например, акты парламента, принятые с превышением полномочий, уже не могут быть квалифицированы как выражающие волю народа. По этой же причине всякий императивный мандат недействителен: компетенция народа ограничена формированием парламента, но не охватывает содержание правовых актов, принимаемых парламентом.

5. Представительство народа, следовательно, – это признание общей воли установленного числа граждан (представителей), образующих один орган государства, волей неопределенного круга граждан (представляемых) на основании решения (выбора) самих граждан и в пределах законодательно установленной компетенции этого органа. Представительство – это «отношение органа к членам корпорации, согласно которому орган представляет волю этих членов в пределах корпорации» [24, с. 417].

¹ Деление представительства на уполномоченное и представительство по закону (законное) было характерно для российского права исследуемого периода. В немецком праве использовалась иная терминология, но классификация видов представительства была такой же. Так, Еллинек говорил, соответственно, о *связанном* и *свободном* представительстве. Таким образом он подчеркивал основание классификации – характеристику воли представителя в ее отношении к воле представляемого.

6. Представительство государства как субъекта международного права является представительством по уполномочию. «Нередко и на языке законодательных актов и в науке определенным органам приписывают функцию представительства государства и других корпораций, в частности во внешних сношениях», но это не публичное представительство в обозначенном выше значении.

Обратим внимание на то, что народ и парламент, будучи государственными органами, одновременно наделены свойствами лиц (волей как условием правосубъектности). В этом, на наш взгляд, обнаруживается главная идея юридической теории публичного представительства. Представительство, связывающее народ и парламент, – не просто условие их правосубъектности, это такое условие, которое обеспечивает их правосубъектность *одновременно*, относительно друг друга. Народ обретает свойства лица, подчеркивал Еллинек, только если он представлен в парламенте, потому что только в процессе выборов воля народа едина, подчинена общей для всех граждан цели: сформировать парламент. Граждане голосуют за разных кандидатов, но народ действует как единое целое, осуществляя функцию формирования государственного органа.

Следовательно, представительство народа в юридическом смысле *не является ни действием, ни отношением двух лиц*: и тому, и другому предшествует личность, которая действует и вступает в правоотношения, а здесь ее пока нет. Если народное представительство и можно характеризовать как действие, то лишь как действие, направленное народом на самого себя. В современной политической науке эта же мысль выражена так: «Политическая репрезентация существует не просто для компенсации того обстоятельства, что практически невозможно собрать весь народ на огромной площади-агоре для участия в принятии политического решения. Суть дела в том, что без репрезентации нет репрезентируемого; соответственно, без политической репрезентации нет и народа как реального политического единства» [6, с. 28].

Авторство этой идеи применительно к праву, безусловно, принадлежит Еллинеку. Если в гражданском праве представленный и представитель «суть и всегда остаются двумя лицами», народ и парламент (в пределах компетенции последнего) – одно лицо. «Парламент является в юридическом смысле организованным народом» [24, с. 430]. Поэтому в отношении парламента и народа (отношении «органа к целому») нет места третьему лицу: народ признает волю избираемого им парламента в качестве своей *сам и для себя*. Но если народ одновременно выступает и представляемым, и представителем, и третьим лицом, юридическое содержание его представительства заключается исключительно в характеристике народа как субъекта права. Многократно повторенную Еллинеком формулу о правовом единстве народа и народного представительства (парла-

мента), на наш взгляд, следует понимать так: *представительство народа – это юридическое средство его самоопределения в качестве субъекта государственного (конституционного) права.*

Действительно, народ наделяется свойствами субъекта права исключительно конституционным правом. Он не выступает участником каких-либо иных правоотношений, даже если они имеют публично-правовой характер [30, с. 36]. Юридические свойства народа как субъекта конституционного права обусловлены особой правовой миссией: конституционные акты признают его учредителем государства и соответственно – национальной системы права. Кто бы не осуществлял учредительную власть, отмечает Ханс Линдал, «он должен утверждать, что действовал от имени коллективного» [52, р. 18], народа. Но действующее таким образом сообщество можно назвать лишь «предшественником народа», так как *юридическое* понятие народа устанавливается той самой конституцией, которую еще предстоит принять. И в этом заключается главный парадокс конституционно-правовой доктрины. Народ (как суверен и источник легитимной государственной власти) и сам является *учреждаемой правовой конструкцией*. Публичное представительство – средство самоопределения сообщества в качестве народа как субъекта конституционного права. И эта формула применима не только к народу, но и к иным коллективным участникам конституционно-правовых отношений, в частности к субъектам федерации.

Понимание различий между задачами представительства в публичном и частном праве объясняет предельно широкое толкование Г. Еллинеком **юридического представительства как удостоверения правосубъектности лица посредством признания воли этого лица правомерной**: «Под представительством понимают отношение одного лица к одному или нескольким другим лицам, в силу которого воля первого непосредственно признается волей последних, так как юридически оба должны быть рассматриваемы как одно лицо» [24, с. 417].

Задачей частного права является удостоверение правосубъектности лица в процессе *реализации* воли, или юридическая оценка действий представителя с точки зрения представляемого и третьих лиц. А задачей публичного права – удостоверение правосубъектности лица в процессе *формирования его воли*. И это не случайно. Только публичное право решает специфическую задачу соотношения публичной воли (народа, государства, то есть целого) и воли лиц, составляющих это целое. И лишь в конституционном праве, осуществляющем как учредительные, так и интегративные функции в национальной системе права [27], особое юридическое содержание публичного представительства может получить наиболее полное позитивное закрепление.

Естественно, что в тех национальных правовых системах, где были сильны традиции правового синкретизма, подход к определению юридического содержания представительства, дифференцированный по отраслям права, признания не получил. Это обстоятельство было отмечено В.М. Устиновым применительно к британскому праву. Для регулирования публичного представительства здесь была использована форма, выработанная правом применительно к отношениям позднефеодального землевладения, а именно, траст (trust). В отличие от простого поверенного, trustee обладал значительно большей самостоятельностью, действуя так, как могло бы действовать само лицо, обладающее правом. Как подчеркивал В.М. Устинов, он обладал всей полнотой прав представляемого и был внутренне связан с ним лишь целью. Сама Корона «стала рассматриваться как некий trust; известно изречение Бёрка: «a public office – a public trust»; и как бы в осуществление этой мысли официальные акты XIX столетия конструировали как trust'ы вновь создаваемые государственные учреждения» [45, с. 60]. В конструкции публичного представительства как доверительного замещения одного лица другим имелось необходимое обоснование свободного мандата представителя. Однако в ней не было места проблеме правосубъектности представляемого.

Среди российских ученых позиции Еллинека в полной мере разделяли немногие конституционалисты (В.М. Устинов, К.Н. Соколов, М.А. Рейснер и некоторые другие). Но даже самая обстоятельная критика юридической теории публичного представительства (предпринятая В.М. Гессеном) не затрагивала ее ключевой идеи – *представительства как волеобразования*. «Народное представительство, – признавал В.М. Гессен, – является организацией.., властвующей в государстве воли» [18, с. 128].

Итак, вне зависимости от сложившихся школ и направлений, конституционная доктрина в конце XIX – начале XX в. решала задачу установления юридического содержания публичного представительства. Наиболее последовательное (и сохраняющее актуальность) решение было выработано в рамках юридической теории публичного представительства. Обобщая основные выводы этой теории, следует признать, что **публичное представительство в конституционном праве – это установление правосубъектности народа, субъектов федерации, иных коллективных субъектов конституционного права посредством признания воли формируемого ими государственного или негосударственного публичного органа (представительного органа), действующего в пределах установленной законом компетенции, собственной и правомерной волей народа, субъектов федерации, иных коллективных субъектов конституционного права (представляемых лиц).**

Такое понимание публичного представительства пока не характерно для современного российского конституционного права. Оно не нашло отражения в действующей Конституции. Однако смена теоретических подходов к исследованию проблем представительства свидетельствует о движении именно в этом направлении.

Период конца 1970 – начала 1980-х гг. характеризовался возрастающим интересом отечественного конституционного права к проблемам представительства. В ряду работ этого времени достаточно назвать фундаментальные диссертационные исследования Б.А. Страшуна («Проблемы теории социалистического народного представительства (государственно-правовой аспект)»), Е.И. Козловой («Советы депутатов трудящихся – органы выражения воли народа»), В.Т. Кабышева («Конституционные проблемы народовластия развитого социализма») и др. В период революции и последующего государственного строительства *представительство отождествлялось с делегированием*. Подобная трансформация правосознания не была исключительной особенностью России. Уже А. Эсмен писал о революционной модели «представительства»: оно является «простым суррогатом прямого правительства... Английские авторы называют такую форму государственного устройства *правительством делегатов*, – простых уполномоченных народного самодержавия, а не представителей» [47, с. 433]. Именно такое толкование представительства было дано российским анархизмом. Например, П.А. Кропоткин предполагал, что свободные ассоциации граждан, столкнувшись с конкретной проблемой, «выбирают кого-нибудь из своей среды и посылают его для переговоров по этому делу с другими делегатами. Таким образом, ... каждый имеет ясное представление о том, что он может *поручить своему делегату* (курсив – Н.Ф.)» [29, с. 11-12]. Ситуативное представительство (для каждого конкретного решения – вновь избираемый делегат) вообще *не предполагало существования представительных органов*. Между тем само существо публичного представительства связано с понятием публичного (государственного) органа, воля которого квалифицируется правом как воля представляемого лица.

Менее радикальная марксистская идея представительного органа власти как «работающей корпорации» реализовалась в модели советов. Представители признавались уполномоченными «своей» социальной группы и наделялись императивным мандатом. В этом случае регулирование народного представительства было аналогично гражданско-правовому (вывод об однотипности правоотношений императивного мандата депутата и договора доверия в римском праве доказан Н.В. Щербаковой [46, с. 29]). Представительство в советах рассматривалось как институт народовластия (демократии); и это верно: делегация – есть институт демократии (в то время как

представительство – институт республики). Единство народа, как писал Карл Шмитт, конструируется или как тождество (и тогда выбор управляющих основан не на их превосходстве, а на делегации себе подобных), или как различие (и в этом случае народ должен быть *представлен* избранными) [55, р. 205-235].

Современный этап в развитии конституционно-правовой теории характеризуется ревизией самого понятия представительства. Даже предмет исследования научным сообществом пока единообразно и достоверно не установлен. Он определяется как «представительство» [3, с. 24], «институт представительства» [21]; «представительная власть» [5; 13; 38; 46], «представительная система общества» (или «система представительной власти») [26, с. 21-22]; «представительная демократия» [15; 39]; «представительное правление» [35, с. 115]; «народное представительство» [9]; «политическое представительство» [7]; «публичное представительство» [42]. Тем не менее смена теоретических подходов подчинена общему вектору развития: разграничению публичного представительства и представительства в частном праве.

Типологический подход к представительству сформировался одним из первых. В рамках этого подхода вопрос об особом юридическом содержании публичного представительства, как правило, не формулировался: исследовалось либо *представительство*, либо *народное представительство*, понимаемое как совокупность всех видов представительства, известных конституционному праву. Так, по мнению В.Н. Белоновского и А.В. Белоновского, «представительство народа – одна из разновидностей (хотя и высшая) представительства, а оно может быть личным, коллективным, сословным, корпоративным, партийным, всесословным, общегражданским и т.п.» [10, с. 79]. Е.К. Бородин (использующий понятие народного представительства в качестве общего) выделил политическое, национальное, профессиональное, женское (гендерное) представительство, представительство по округам и «общенародное представительство» [12, с. 19-28]. В обоих случаях классификация *видов представительства* была дана по разным основаниям: по представляемому *лицу* (народ, корпорация) и по правовым *инструментам представительства* (партийное представительство, представительство по округам).

Н.А. Богданова выделила *модели и формы* народного представительства [11, с. 17-18]. Формы («действительное народное» и «представительство интересов, обусловленное территориальной общностью») аналогичны существовавшему в дореволюционной науке делению на непосредственное и опосредованное народное представительство. Модели (социалистическая, советская и общенациональная, парламентарная) описывают некоторые признаки, характерные для представительства народа, организованного как реальное представительство, с одной стороны, и для публичного

представительства народа, с другой. Но природа этих различий не была связана автором с разным отраслевым регулированием представительства.

А.С. Автономов, обозначив в содержании представительства два аспекта (*представительство интересов* и *представительство от имени лиц*), подчеркнул, что представительство в конституционном праве не исчерпывается представительством интересов. Он классифицировал представительство в конституционном праве: 1) по формальным основаниям (представительство по выбору и по закону), следуя традиции, заложенной В.М. Гессеном; 2) по представляемым субъектам права (представительство общества, социальных групп, государства, государственных органов). Кроме того, этот автор исследовал различные исторические формы представительства [3]. В более поздних работах он сформулировал вывод о том, что представительство в конституционном праве принципиально отлично от представительства в иных отраслях права (гражданском, гражданско-процессуальном и уголовно-процессуальном), однако, по его мнению, «фундаментальных трудов по этой проблематике пока в России не появилось» [2].

Для феноменологического подхода к представительству характерно ограничение объекта исследования представительством, которое регулируется исключительно конституционным правом, как правило, народным представительством; но при этом представительство исследуется во всех своих возможных проявлениях. Например, А.К. Глухарева считает необходимым рассматривать народное представительство: 1) как идею, 2) как способ осуществления публичной власти, 3) как правоотношение, 4) как право народа, 5) как орган государственной (муниципальной) власти. А совокупность этих признаков, – как конституционный принцип «организации государства и гражданского общества» [19, с. 10]. Однако как бы много аспектов не было обозначено, их сумма не раскрывает существа проблемы. Надо разграничить публичное представительство и представительство как частноправовое отношение не на уровне объекта, а на уровне предмета регулирования. Поскольку это не сделано, автор вынуждена определять народное представительство как «деятельность одного лица (лиц) в интересах другого (других)» [19, с. 58] (то есть как частноправовое отношение).

Нигилистический подход к публичному (народному) представительству стал следствием теоретической слабости своего предшественника. Поскольку народное представительство не имеет признаков представительства как частноправового отношения, считают его сторонники, оно вообще не является юридическим представительством [8, с. 418]. Публичное представительство, подчеркивает П.А. Сурцева, основано на правовой фикции [42, с. 19].

Предлагая заменить «политическое» народное представительство «правовым», С.И. Архипов утверждает, что «само представительство должно, на наш взгляд, иметь личный (персональный) характер; при этом представитель обязан действовать исключительно в интересах представляемого лица, по его поручению. Эта связь, как это обычно происходит при гражданско-правовом представительстве, не может прерываться до момента полного исполнения поручения либо до отмены поручения... За свои действия ... представитель (законодательный адвокат) должен нести не иллюзорную политическую ответственность перед народом или моральную перед «своей совестью», а вполне реальную юридическую ответственность...» [8, с. 422]. Представительный орган в этом случае также должен быть трансформирован: он становится *законодательным судом*, каким было, по мнению С.И. Архипова, народное собрание в древних Афинах. Таким образом, игнорирование различий между конституционно-правовым и гражданско-правовым регулированием представительства приводит автора к отрицанию современной системы публичного представительства.

Первая попытка раскрыть собственное конституционно-правовое содержание представительства была предпринята в рамках субстанциального подхода к народному представительству (заявлен в работах С.В. Масленниковой и П.А. Астафичева). Характерно, что сущность народного представительства эти авторы увидели не в правоотношении, а в особом *субъективном публичном праве*, праве граждан на представительство в публичных органах власти.

И если у С.В. Масленниковой право на представительство во многом тождественно избирательному праву [33, с. 25-29], то П.А. Астафичев разграничил выборы и публичное представительство и соответствующие им правовые свойства. По его мнению, праву граждан на представительство «корреспондирует обязанность выборного должностного лица или парламента реализовывать потребности или интересы народа. В отличие от активного или пассивного избирательного права, которые по своей природе являются индивидуальными, право на представительство принадлежит народу в целом, а также его частям, выделяемым по определенным критериям (территориальный, этнический, культурный, политический, социально-экономический и т.п.). Право на представительство не может иметь один отдельно взятый гражданин: здесь принципиальное значение имеют массовость, коллективность, ассоциированность» [9, с. 124]. Таким образом, субъектом права является коллективный участник конституционно-правовых отношений.

В *праве на представительство* мы отчетливо видим и республиканскую идею гражданского участия в осуществлении государственной власти, и идею организационного единства народа, и даже

концепцию субъективных публичных прав Г. Еллинека. Но если в теории немецкого юриста это три разных (хотя и взаимосвязанных) элемента, то в приведенной теории коллективное право на представительство – единое правовое явление. И это уже предполагает следующий шаг в развитии доктрины публичного представительства: право граждан на представительство не может быть понято без теоретического моделирования *системы публичного представительства*. Точно так же субъективное избирательное право раскрывает всю полноту своего содержания в характеристиках избирательных систем.

Решение этой задачи предложили сторонники институционального подхода. Он характеризуется: 1) последовательным разграничением институтов публичного представительства и лоббизма (как выражения органами власти частных интересов); 2) ограничением содержания представительной демократии определенным перечнем конституционно-правовых институтов; 3) анализом процессуальных аспектов публичного представительства (и соответствующих норм избирательного и парламентского права); 4) анализом субъектной (субстратной) основы публичного представительства (политических партий, парламентской оппозиции, Общественной палаты Российской Федерации и т.д.).

В целом публичное представительство в рамках такого взгляда утратило свойства субъективного публичного права, но стало рассматриваться как способ организации и функционирования публичной власти. Поэтому его сторонники (С.В. Васильева, Г.Д. Садовникова и др.) предпочитают говорить о *представительной демократии*, а не о народном представительстве [15].

Единство субъективного и объективного в праве публичного представительства отчасти было восстановлено в рамках системного подхода, который в той или иной мере был присущ работам многих уже названных авторов. Так, Н.И. Богданова считает народное представительство сложным конституционно-правовым институтом, в котором есть содержание и форма (или «отличающиеся особыми характеристиками органы»), система представительных органов власти [11, с. 13]). Г.Д. Садовникова называет органы народного представительства основным, но не единственным элементом в *системе народного представительства*; другими элементами являются 1) способ функционирования представительных органов власти, и 2) те смежные правовые институты, без которых функционирование представительных органов невозможно [39, с. 36]. Классификацию таких институтов предложил С.А. Авакьян, выделив: 1) систему органов народного представительства, 2) институты, отражающие контакты населения и представителей, 3) специфические (публичные) формы деятельности, характерные для представительных органов власти, 4) институты контроля представительных органов власти за исполнительными [1, с. 437].

По мнению А.Т. Карасева, *представительная система общества* соответствует политической системе общества, включая такие элементы как политические партии, иные негосударственные некоммерческие объединения, средства массовой информации и т.д. Ее ведущим звеном является система представительных органов власти [26, с. 21-22]. Однако система является лишь условием реализации субъективных публичных прав, а потому представительство – это *режим конституционного правонаделения* гражданами (народом) своих представителей [26, с. 12]. Итак, в рамках этого подхода была вновь установлена содержательная связь публичного представительства и правосубъектности. Однако речь пока идет об установлении правосубъектности представителей, а не о представляемых (народа, субъектов федерации и т.д.).

Завершению процесса формирования доктрины публичного представительства в современном российском конституционном праве, на наш взгляд, должно поспособствовать восстановление и развитие нескольких принципиальных идей, составлявших фундамент прежней (дореволюционной) конституционной доктрины.

Во-первых, это реставрация «волевой составляющей» властеотношений, поскольку понятие воли долго замещалось понятием интереса. Механизм волеизъявления в системе публичных властеотношений был исследован А.А. Юговым. Он говорит о системе правовых средств выражения и легитимации воли субъектов публичной власти, о *властесодержащей* и *властесформирующей (кратологической) воле* граждан (народа) [49]. С точки зрения этого автора, право публичной власти имеет объективное и субъективное содержание. Последнее раскрывается через совокупность правомочий всех участников публичных властеотношений. Таким образом, понятие «публичная власть» не совпадает с понятием «народовластие» [48].

Во-вторых (и вследствие первого), восстановление категории «гражданское участие (участие граждан) в осуществлении государственной власти» как не совпадающей по содержанию с категорией «народовластия» (демократии). В.Н. Руденко отмечает постепенное разграничение институтов гражданского участия и институтов прямой демократии в отечественном конституционном праве. Это позволяет выделить особую группу конституционно-правовых институтов, институтов *опосредованной демократии* или *демократии участия* [37, с. 232]. С.В. Васильевой было предложено выделять *консультативную демократию* и *демократию соучастия* как два типа демократического участия в осуществлении власти [16]. Они характеризуют не властвование народа, подчеркивает автор, а правовые механизмы его *вливания* на власть. Институты консультативной демократии (опросы, консультативные референдумы, публичные слушания и т.д.) ис-

пользуются органами публичной власти в процессе принятия властных решений факультативно, по усмотрению должностного лица (органа власти). Если те же институты легализованы как обязательные в правотворческом процессе или процессе принятия публично-властного решения, они образуют систему *институтов демократии соучастия* [16, с. 3]. Термин «демократическое участие» предпочтительнее термина «гражданский лоббизм» (предложен А.П. Любимовым [31]). Он более отчетливо указывает на различия представительства публичных и частных интересов. Однако точнее было бы говорить о *гражданском* участии в осуществлении государственной власти, так как оно не предполагает всей полноты власти (демократии).

В-третьих, преодоление традиций синкретизма публичного и частного в праве, который зачастую выражается в ограничении юридического содержания того или иного явления такими признаками, которые характерны исключительно для частноправового регулирования. Применительно к отношениям представительства некоторые (но не главные) различия отраслевого регулирования были названы К.В. Арановским и С.Д. Князевым. Публичному представительству свойственны: 1) реализация представителем не заранее оговоренных поручений, а действия «в интересах нации, муниципалитета»; 2) при этом «доверителем» выступает неопределенный круг лиц, в том числе и те, кто уклонился от выборов представителя, и те, кто голосовал против него. Однако стремление увидеть в публичном представительстве правоотношение (то есть отношение двух независимых друг от друга лиц) вынуждает и этих авторов прибегнуть к теории правовой фикции: «Этот вызов идеям волевого публичного представительства (депутат представляет тех избирателей, которые голосовали против него, то есть не уполномочили себя представлять – *Н.Ф.*) несколько сглаживает фикция, в силу которой изъявляющим волю субъектом считается не избиратель в отдельности, а весь народ или муниципальное сообщество. Подмена избирателей другим субъектом права представляет собой в правильной логике грубую ошибку...» [7, с. 25]. Ошибкой, однако, нам кажется попытка переноса гражданско-правовых категорий на объяснение (тем более – регулирование) публичного представительства.

Поэтому (в-четвертых) существенным фактором развития конституционной доктрины мы считаем исследование самого понятия субъекта права, поскольку оно предоставляет недостающий научный инструментарий для конструирования публичного представительства в конституционном праве. В ряду многочисленных публикаций по этой теме¹ некоторым итоговым исследованием можно считать работы С.И. Архипова. Этот автор видит в

¹ Достаточно назвать работы С.С. Алексеева, В.Я. Бойцова, С.Н. Братуся, Н.В. Витрука, О.Е. Кутафина, А.В. Мицкевича, Р.О. Халфиной и др.

субъекте права саму субстанцию права: весь правопорядок, утверждает он, это субъект, взятый с его внешней стороны [8, с. 109]. Как творец права оно создает не только систему объективного права, но и самого себя, последовательно проявляясь как лицо (правовая внешность), правовая воля, совокупность правовых отношений (правовых связей), а также в иных аспектах субъективности, одним из которых является правосубъектность как «момент признания его со стороны правопорядка субъектом права» [8, с. 122].

Применяя эту конструкцию к публичному представительству, можно считать обоснованным определение его юридической природы как *установления и признания правосубъектности субъектов конституционного права*, где установление отражает содержание процесса формирования в качестве субъекта права, а признание – формальное закрепление результатов этого процесса в рамках существующего правопорядка. Если субъект права «вырабатывает, выражает и осуществляет свою волю» [4, с. 139], то субъект конституционного права делает это посредством публичного представительства.

Итак, процесс формирования концепции публичного представительства в современном конституционном праве России не завершен. Только определение собственного юридического содержания публичного представительства позволит сделать следующий шаг: разграничить юридические свойства видов публичного представительства в рамках единой системы. Без решения этой теоретической задачи невозможно построение и надлежащее законодательное регулирование эффективной национальной системы публичного представительства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Авакьян С.А.* Конституционное право России. В 2 т. М.: МГУ; Юристъ, 2007. Т. 1. 719 с.
2. *Автономов А.С.* Системность как свойство категорий конституционного права // ОНС: Общественные науки и современность, 2004. № 4. С. 145-154.
3. *Автономов А.С.* О категории представительства в конституционном праве // Проблемы народного представительства в Российской Федерации / Под ред. С.А. Авакьяна. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 18-24.
4. *Алексеев С.С.* Общая теория права. В 2 т. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. 354 с.
5. *Андреев А.В.* Представительная власть в субъектах Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 168 с.
6. *Анкерсмит Ф.Р.* Репрезентативная демократия. Эстетический подход к конфликту и компромиссу // Логос, 2004. № 2(42). С. 15-40.
7. *Арановский К.В., Князев С.Д.* Политическое представительство и выборы: публично-правовая природа и соотношение // Конституционное и муниципальное право, 2007. № 16. С. 21-34.
8. *Архипов С.И.* Субъект права: теоретическое исследование. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 469 с.
9. *Астафичев П.А.* Народное представительство в современной России: проблемы теории и правового регулирования: Дис. ... д-ра. юрид. наук. М.: МГУ, 2006. 291 с.

10. *Белоновский В.Н., Белоновский А.В.* Представительство и выборы в России. М.: ПРИОР, 1999. 272 с.
11. *Богданова Н.А.* К вопросу о понятии и моделях народного представительства // Проблемы народного представительства в Российской Федерации / Под ред. С.А. Авакьяна. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 13-18.
12. *Бородин Е.К.* Правовые и организационные вопросы становления и функционирования законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 189 с.
13. *Булаков О.Н.* Представительная власть в системе разделения властей // Законодательство и экономика, 2004. № 8. С. 19-23.
14. *Васильева С.В.* Не стоит искать лоббизм там, где его нет: к вопросу о правовом понимании этого института в России // Сравнительное конституционное обозрение, 2008. № 1. С. 138-144.
15. *Васильева С.В.* Институционализация парламентской оппозиции как гарантия представительной демократии // Сравнительное конституционное обозрение, 2009. № 3. С. 14-21.
16. *Васильева С.В.* Социальная легитимация власти как основа консультативной демократии и демократии соучастия // Конституционное и муниципальное право, 2009. № 14. С. 2-7.
17. *Гамбаров Ю.С.* Курс гражданского права. Часть общая. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. Т. 1. 780 с.
18. *Гессен В.М.* Основы конституционного права. Изд. 2-е. Петроград: Право, 1918. 437 с.
19. *Глухарева А.К.* Конституционные основы народного представительства в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 204 с.
20. *Гурвич Г.Д.* Социология права // Избранные сочинения / Пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: Издательский Дом СПб. гос. ун-та, 2004. 848 с.
21. *Дворник В.В.* Институт представительства и законодательная власть в демократическом правовом государстве (сравнительно-правовой анализ западного и российского опыта): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 27 с.
22. *Дорохин С.В.* Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект. М.: Волтерс Клувер, 2006. 136 с.
23. *Дюги Л.* Конституционное право. Общая теория государства / Пер. А. Ященко и др.; пред. П. Новгородцева. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1908. 957 с.
24. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. Изд. 2-е, испр. и доп. по второму немецкому изданию С.И. Гессен. СПб.: Изд. Юрилич. книж. магазина Н.К. Мартынова, 1908. 599 с.
25. *Иеринг Р.* Интерес и право / Пер. с нем. А. Борзенко. Ярославль: Тип. губерн. зем. управы, 1880. 286 с.
26. *Карасев А.Т.* Депутат в системе представительной власти (Конституционно-правовое исследование): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 55 с.
27. *Кокотов А.Н.* Конституционное право как отрасль российского права // Конституционные основы организации и функционирования институтов публичной власти в Российской Федерации: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (20-21 апреля 2000 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. голс. юрид. академии, 2001. С. 20-28.
28. *Котляревский С.А.* Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных Законов / Под ред. и с пред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. 392 с.
29. *Кропоткин П.А.* Представительное правительство. М.: Свободная Коммуна, Б.г. [1908]. 15 с.
30. *Кутафин О.Е.* Субъекты конституционного права как юридические и приравненные к ним лица. М.: ТК Велби; Проспект, 2007. 786 с.

31. Любимов А.П. Гражданский лоббизм в органах законодательной власти // Современный парламент: теория, мировой опыт, российская практика / Под общ. ред. О.Н. Булакова. М.: Эксмо, 2005. С. 167-186.
32. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: НОРМА, 2007. 800 с.
33. Масленникова С.В. Право граждан на представительство в системе конституционных прав: Вопросы теории // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. М.: Изд-во МГУ, 2000. № 6. С. 95-108.
34. Медушевский А. Н.М. Коркунов как теоретик права и политический мыслитель // Сравнительное конституционное обозрение, 2009. № 2. С. 187-198.
35. Могунова М.А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика. М.: РГГУ, 2001. 350 с.
36. Рейснер М.А. Основные черты представительства // Конституционное государство. Сб. статей. СПб.: Изд. И.В. Гессена и А.М. Каминка, 1905. С. 121-178.
37. Руденко В.Н. Методология исследования институтов прямой демократии // Правоведение, 2003. № 4. С. 38-51.
38. Савоськин А.В. Представительная (законодательная) власть в России. Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. 219 с.
39. Садовникова Г.Д. Представительная демократия: от идеи к реализации. М.: Изд-во гуманитар. лит., 2008. 240 с.
40. Свешиников М.И. Очерк общей теории государственного права. СПб.: Кн. магазин К.Л. Риккера, 1896. 311 с.
41. Стариков Ю. Н. Курс общего административного права. В 3 т. История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2002. Т. 1. 728 с.
42. Сурцева П.А. Проблема волеизъявления в отношениях публичного представительства // Научная сессия НИЯУ МИФИ-2010 «Правовые вопросы высоких технологий. Экономика, управление и научно-технологическое сотрудничество. Университетское образование и инновационные образовательные технологии». М.: НИЯУ МИФИ, 2010. Т. 6. С. 18-19.
43. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьевъ: Тип. Маттисена, 1917. 537 с.
44. Тихомиров Ю.А. Публичное право: Учебник. М.: БЕК, 1995. 355 с.
45. Устинов В.М. Учение о народном представительстве. В 2 т. История народного представительства в Англии и Франции до начала XIX века. М.: Печатное дело, 1912. Т. 1. 653 с.
46. Щербакова Н.В. К вопросу о сущности представительной власти // Проблемы народного представительства в Российской Федерации / Под ред. С.А. Авакьяна. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 29-33.
47. Эсмен А. Основные начала государственного права / Под ред. и с предисл. М.М. Ковалевского. М.: Изд. К.Т. Солдатенкова, 1898. 460 с.
48. Югов А.А. Право публичной власти: понятие и содержание // Конституционные основы организации и функционирования институтов публичной власти в Российской Федерации: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (20-21 апреля 2000 г.). Екатеринбург, 2001. С. 70-73.
49. Югов А.А. Власть и воля в системе публично-властных отношений // Российский юридический журнал, 2009. № 3. С. 13-20.
50. Яценко А. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьевъ: Тип. К. Маттисена, 1912. 841 с.
51. Heck P. Was ist diejenige Begriffsjurisprudenz, die wir bekämpfen? // Interessenjurisprudenz. Herausgegeben von G. Ellscheid und W. Hassemer. Darmstadt, 1974. S. 41-45.
52. Lindahl H. Constituent Power and Reflexive Identity: Towards an Ontology of Collective Selfhood // The Paradox of Constitutionalism: Constituent Power and Constitutional Form / M. Loughlin, N. Walker ed. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007. P. 9-24.

53. *Pound R.* The Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence // *Harvard Law Review*, 1912. V. 25. P. 489-516.
54. *Pound R.* Social control through Law. New Haven: Yale University Press, 1942. 446 p.
55. *Schmitt C.* Verfassungslehre. Munich: Duncker & Humboldt, 1928. 230 s.

RESUME

Natalya Alexeevna Filippova, Candidate of Political Science, assistant professor of the Department of State and Municipal Law, Surgut State University, doctoral student of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Surgut, Phone: (3462) 32-42-33 filip64@mail.ru

The juridical contents of public representation: constitutional law doctrine bases

Formation of the concepts on juridical contents of public representation is analyzed as the main vector of development of the constitutional law doctrine, which appeared at the boundary of XIX–XX-th centuries, and developed in Russian constitutional law in the beginning of the XXI-st century. Classification and the characteristics of theories of representation in constitutional law are presented.

Public representation, political representation, national representation, system of public representation, public will, a representative body.

Материал поступил в редколлегию 30.05.2011 г.